

ФИЛОСОФИЯ КАНТА В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ

Б.Н. Бессонов

Прогностический потенциал философии Иммануила Канта

И. Кант в своих философских трудах исследовал важнейшие теоретико-познавательные и насущные проблемы познания и нравственности, поведения человека в сфере практической жизни. Поэтому его мысли вышли далеко за пределы своего времени. Они и сегодня актуальны.

Ключевые слова: рассудок; разум; априорное знание; трансцендентное и трансцендентальное; категорический нравственный императив.

Иммануил Кант — один из величайших философов в истории человечества. Его творческую деятельность обычно разделяют на два периода: докритический и критический. В докритический период большой заслугой Канта является обоснование вывода об историческом развитии природы. Во «Всеобщей естественной истории и теории неба» (1755 г.) он доказывал, что Солнечная система — результат длительного исторического развития. Как справедливо писал Ф. Энгельс, «кантовская теория возникновения всех теперешних небесных тел из вращающихся небесных масс была величайшим завоеванием астрономии со времён Коперника. Впервые было поколеблено представление, будто природа не имеет никакой истории во времени» [3: т. 20, с. 351].

Критический период философии Канта начинается работой «Критика чистого разума» (1781 г.). За ней следуют работы «Пролегомены к любой будущей метафизике...» (1783 г.), «Идеи к всеобщей истории с всемирной гражданской точки зрения» (1784 г.), «Основы метафизики нравственности» (1785 г.), «Метафизические начала естествознания» (1786 г.), «Критика практического разума» (1788 г.), «Критика способности суждения» (1790 г.), «Религия внутри границ только разума» (1793 г.) и др.

Кант оказал большое влияние уже на современников. На Шиллера — прежде всего, своим учением о нравственности, категорическим требованием исполнять свой долг. Гёте также говорил о сильном впечатлении, которое произвела на него «Критика практического разума» своим обоснованием

основного нравственного закона. Вместе с тем Шиллер высоко ценил и «Критику способности суждения», считая её философским фундаментом своего мышления и творчества; в то же время кантовская «Критика чистого разума» была ему чужда из-за её, как он полагал, «абстрактного характера».

Фихте, Шеллинг и Гегель в целом высоко оценивали творчество Канта, приветствовали его антидогматизм, утверждение им свободы воли человека. Благодаря Канту, полагал Шеллинг, дух человеческий освобождается от оков в стремлении к произвольной свободе перед всем бытием, что нужно вопрошать не о том, что есть, а о том, что может быть.

Гегель, оценивая теоретико-познавательные суждения Канта, подчёркивал важность его мысли о том, что существуют априорные синтетические суждения. Этот первоначальный синтез апперцепции, считал Гегель, представляет собой один из глубочайших принципов спекулятивного мышления, он содержит в себе первый шаг к истинному пониманию природы понятия.

К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали философию Канта как немецкую теорию Великой французской буржуазной революции, видели в ней источник многих своих собственных воззрений, хотя и отмечали присущие ей непоследовательность и субъективный идеализм. Для немецких философов XVIII века события данной революции имели смысл в их глазах лишь как проявление воли французской буржуазии. Генрих Гейне также считал, что Кант своей «Критикой чистого разума» осуществил в Германии духовную революцию, подобную социальной революции во Франции. В своей критике Кант был настолько радикален, что Гейне сравнивал его с Робеспьером: один критику направляет против мыслей, другой — против людей. Одному судьба положила на чашу весов Бога, другому — короля [1: с. 274].

Немецкие философы Гаман, Гердер и Якоби, напротив, выступали как противники Канта. Особенно яростно нападал на философа Ф. Ницше. Для него Лейбниц и Кант — две великие смирительные колодки в интеллектуальном развитии Европы. Ницше называл Канта нигилистом в христианско-догматическом духе. Кантовское учение о долге, считал он, ведёт к европейскому декадансу, воцарению посредственности и идиотизма.

Наряду с этим в середине XIX века во Франции, а затем и в Германии возникло специфическое философское течение — неокантианство, приверженцы которого, основываясь на учении Канта, под лозунгом «Назад к Канту» пытались его модернизировать. В начале XX века социал-демократы объявили этику Канта теоретической основой социализма. Х. Ортега-и-Гассет, размышляя по поводу двухсотлетия философа в 1924 году, подчёркивал, что невозможно постигнуть смысл нашего времени, не живя философией Канта.

Благодаря гению Канта в его философии отразилась широкая панорама жизни на Западе. Очевидно, что пружины, двигающие идеологическую машину, те же, что со времени Возрождения воздействовали на европейскую историю.

В нашей стране исследователи философии Канта довольно часто упрекали его в непоследовательности, абстрактном гуманизме, что он потеснил разум,

знание, чтобы дать место вере и т. п. Однако в последние десятилетия наши учёные стали глубже оценивать творчество Канта. И дело здесь не только в изменении ситуации в обществе. Неоднозначность оценок философии Канта обусловлена её действительной противоречивостью, а главное: любого крупного мыслителя невозможно оценить однозначно, к тому же его идеи всегда актуальны.

Кант в своих философских исследованиях поднял важнейшие теоретико-познавательные и насущные проблемы нравственного поведения в сфере общественной жизни. Они и сегодня актуальны именно потому, что он подверг беспощадной критике догматизм, доктринерство, как в философии, так и в обществе; что, уважая разум, подверг анализу его возможности, попытался установить его границы, обосновал свободу человека, рассматривая её как высший — нравственный — императив; потому, что он защищал принципы гражданского общества, призывал и указывал путь к союзу народов, к вечному миру.

Разве для нас все эти острые проблемы не актуальны? Разве наше общество и общественная мысль не впадали в догматизм, не разьедаются сейчас эгоизмом и индивидуализмом, разве мы уже свободны, построили гражданское общество, и в своём поведении ориентируемся на должные нравственные принципы? Нет, это всё ещё задача, цель, стоящая перед нами!

Как философ И. Кант развивался под воздействием идей Бэкона, Юма, Спинозы, Лейбница — выдающихся просветителей, веривших в человеческий разум, утверждавших активность человека. Кант также верил в разум. Благодаря разуму, утверждал он, человек обладает представлением о своём Я, благодаря разуму он — личность. Разум, подчеркивал Кант, — это способность судить по основоположениям и поступать согласно им.

Эти суждения в ту эпоху имели важнейшее значение. Ведь человек феодального общества зависел от авторитета божественного и от авторитета церковных и феодальных владык. Если для Средневековья в постулатах Ф. Аквинского человек стоял ещё посередине «между Богом и зверем», то в Новое время уже работало утверждение автономности, самостоятельности человека. Кант выражал и укреплял эту тенденцию. В «Антропологии» он писал, что представление человека о своём Я бесконечно высоко подняло его над всеми живущими на земле существами. Благодаря этому человек превратился в личность.

Проблему разума, активности познания, деятельности человека И. Кант поставил в центр своих философских исследований. Философия, по Канту, наука о возможностях нашего разума, это самопознание человеческого рода, без самопознания невозможно представить величие нашего разума.

В качестве основополагающих вопросов своей философии Кант выделил следующие:

1. Что я могу знать?
2. Что я должен делать?
3. На что мне надеяться?

И самый важный, самый главный вопрос, объединяющий все предшествующие: что такое человек?

Исследуя природу человеческого разума, Кант впервые назвал это исследование критикой. Задача критики — подвергнуть проверке правильность наших знаний, испытать их годность: «Критика является противоположностью... догматизму, т. е. притязанию обходиться только чистым (философским) познанием из понятий в соответствии с принципами, давно используемыми разумом, без исследования способа и права, по которому он дошёл до этого... Следовательно, догматизм является догматическим методом чистого разума, без предыдущей критики своей собственной способности» [2: т. 4 ч. 1, с. 90].

Прежде всего, Кант, сделав акцент на теорию познания, придал новый смысл понятию «метафизика». Для него метафизика — уже не наука об абсолютном, о сущем, а наука о границах человеческого познания, характерного для чистого разума.

В своих критических устремлениях Кант исходит из антиномий чистого разума, например, таких, как: «мир имеет начало — мир не имеет начала»; «человек обладает свободной волей — он не имеет никакой свободы, в мире повсюду господствует необходимость»; «в мире существует в качестве его составной части или его причины безусловно необходимое существо; никакого безусловно необходимого существа в мире нет»; и т. п.

Благодаря антиномиям философ пришёл к различению мира чувственного, мира явлений, или феноменов, и мира вещей в себе, или ноуменов. Знание, безусловно, покоится на опыте, на показаниях чувств. И всё же опыт — не единственный и не главный источник целостности наших знаний. Целостность наших знаний, прежде всего, формируется благодаря присущим познающему разуму, до опыта и независимо от опыта, т. е. априорным, формам восприятия пространства и времени, а также априорным формам рассудка.

Мы слишком долго, считает Кант, сообразовывали наши знания с предметами; мы добьёмся больших успехов, если будем исходить из предположения, что предметы должны сообразовываться с нашим познанием, а это, прежде всего, согласуется с требованием возможности априорного знания о них, которое должно установить нечто о предметах раньше, чем они нам даны в опыте, и это отнюдь не идеализм. В «Пролегоменах ко всякой будущей метафизике, могущей явиться как наука» он пишет: «Нам даны вещи как вне нас находящиеся предметы наших чувств, но о том, каковы они сами по себе, мы ничего не знаем, а знаем только их явления, т. е. представления, которые они в нас производят, воздействуя на наши чувства». Разве можно назвать это идеализмом? Это его прямая противоположность, утверждает И. Кант [2: т. 4, ч. 1, с. 105].

Далее Кант разъясняет понятие «трансцендентальный»: «Трансцендентальный означает не то, что выходит за пределы всякого опыта, а то, что опыту (а priori), хотя и предшествует, но предназначено лишь для того, чтобы сделать возможным опытное познание. Когда эти понятия выходят за пределы опыта, тогда их применение называется трансцендентальным и отличается

от имманентного применения, т. е. ограничивающегося опытом». Если тезис всякого настоящего идеалиста, от элеатской школы до епископа Беркли, «...содержится в следующей формуле: “Всякое познание из чувств и опыта есть одна лишь видимость, и истина только в идеях чистого рассудка и разума”, то основоположение, всецело направляющее мой идеализм, напротив, гласит: “Всякое познание вещей из одного лишь чистого рассудка или чистого разума есть одна лишь видимость, и истина только в опыте”, — указывает И. Кант и вновь подчёркивает: “Ведь это прямая противоположность настоящему идеализму”» [2: т. 4, ч. 1 с. 199–200].

Естественно, по Канту, знание, базирующееся на опыте, не даёт знания о «вещах в себе», но только об их явлениях (феноменах). Вещи в себе — ноумены — не результат опытных знаний, это специфические конструкции. К подобным конструкциям мысли Кант относит, прежде всего, такие «вещи в себе», как свобода, бессмертие души, Бог. По мнению Канта, человеческий индивидуум, т. е. «эмпирический» индивидуум зависит от внешнего мира, подчиняется законам природы, не свободен. Как личность, т. е. по своему интеллекту, он свободен, и это проявляется в его практическом поведении, в «практическом разуме».

В сфере практического и чистого разума философ различает технический и моральный разум. Технический разум положен в основу всей деятельности человека и всему даёт относительные нормы правила умения и правильных поступков. Моральный — собственно практический разум — действует в сфере нравственности и является источником абсолютных норм и абсолютного долженствования. «Практические основоположения суть положения, содержащие в себе общее определение воли, которому подчинено много практических правил. Они бывают субъективными или максимами, если условие рассматривается субъектом как значимое только для его воли; они будут объективными и/или практическими законами, если они признаются объективными, т. е. имеющими силу для воли каждого разумного существа. Если допускают, что чистый разум может заключать в себе практическую основу, т. е. достаточную для определения воли, то имеются практические законы; а там, где этого нет, все практические основоположения будут только максимами» [2: т. 4 ч. 1, с. 131]. Более того, Кант преобразовал это утверждение в идею о превосходстве практического разума над теоретическим.

Кант, как очевидно, поддержал Руссо в том, что свобода каждого, разумеется, совместима со свободой других, со свободой всех. Не может быть ничего более чудовищного, чем подчинение одного человека воле другого. Кант подчёркивает: человек как существо, наделённое разумом, существует как цель сама по себе во всех своих поступках, направленных как на самого себя, так и на другие разумные существа.

Из этого философ выводит основной закон своей этики: «Поступай так, чтобы максима (внутренний принцип выбора) твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства». Не интерес к внешнему

благу, не любовь, не религия делают людей счастливыми, а их поступки моральными, но лишь исключительно уважение к нравственному закону и неуклонное следование своему долгу. Высочайшая личная ответственность есть подлинная этика долга, и её определяет только свободная воля человека. И подлинная моральная воля — это способность выбирать только то, что разум признаёт добрым, даже если это противоречит интересам человека. Но чтобы деяние было добрым, «...недостаточно, чтобы оно было сообразно с нравственным законом; оно должно совершаться также ради него самого; в противном случае эта сообразность будет лишь очень случайной и сомнительной, так как безнравственное основание хотя и может вызвать порой сообразные с законом поступки, но чаще будет приводить к поступкам, противным и закону» [2: т. 4, ч. 1, с. 224].

Итак, по Канту, все моральные суждения существуют в разуме априори. Категорический императив, поскольку он априорен, постольку, следовательно, объективен, т. е. всеобщ и необходим; он приказывает: ты должен! Ты должен действовать так, чтобы максима твоего поведения стала всеобщим законом. Должен — в смысле свободен по собственной воле так поступать. Мораль тогда имеет цену, когда человек действует в соответствии с чувством долга.

Многие мыслители до Канта, во времена Канта и после Канта не принимали априоризм долга. Действительно, как могут чистые априорные понятия, понятия, игнорирующие опыт, не заключающие в себе ничего из опыта, внутреннего или внешнего, быть исходным принципом морали? — заявляли критики этики Канта.

Безусловно, момент истины в этих критических суждениях есть. И всё же в целом прав И. Кант. Человек должен исполнять свой долг, что бы ему ни грозило; в этом его достоинство.

В «Критике способности суждения» Кант стремился объединить оба мира: мир теоретического разума (сферу феноменов природы, для которой характерна обусловленная интеллектом механическая каузальность) и мир практического разума (деятельность в сфере ноуменов, вещей в себе, познать которые нельзя. Здесь упорядочение идёт под знаком свободы).

Способность суждения, по Канту, — нечто среднее между рассудком (познавательной способностью) и разумом (практической способностью). Суждение — это способность видеть общее в особенном. Для него типично понятие цели; именно это понятие, укорененное в субъекте, служит мостом от понятия природы к свободе человека, что снимает с природы механический характер и определяет её как целесообразно организованную сферу. Человек не просто цель природы, он — её самая последняя цель.

Учение о красоте, в основу которого положена идея разума, — вот, по Канту, главное связующее звено между природой и моралью.

По мнению Канта, эстетический мир человека — сугубо субъективный мир. Восприимчивость человека к красоте обусловлена только его вкусом,

свободным от всякого интереса. Когда человек испытывает удовольствие от прекрасного, его познавательные способности: воображение, которое свободно, и рассудок, вносящий закономерность, находятся в гармонии, они как будто свободно играют, и человек ощущает эту гармонию как эстетическое наслаждение.

По Канту, человек, как эмпирическое, феноменальное существо, находится во власти природы, подчиняется необходимости, конечному. Как наделённое разумом существо он свободен, следует только практическому разуму.

Красота и мораль, звёздное небо над головой и моральный закон во мне — вот, по Канту, две вещи, которые наполняют душу всегда новым и всё более сильным удивлением и благоговением. «Первое... в необозримую даль расширяет связь, в которой я нахожусь с мирами... в безграничном времени... Второй начинается с моего невидимого Я, с моей личности и представляет меня в мире, который поистине бесконечен... и с которым... я познаю себя не только в случайной связи... а во всеобщей и необходимой. Первый взгляд на бесчисленное множество миров как бы уничтожает моё значение... второй, напротив, бесконечно возвышает мою ценность как мыслящего существа через мою личность, в которой моральный закон открывает мне жизнь, не зависимую от животной природы...» [2: т. 4, ч. 1, с. 499–500].

Обращаясь непосредственно к проблемам развития, воспитания человека, Кант видел в просвещении решающее средство утвердить человеческое достоинство и свободу. Просвещение — выход человека из состояния своей незрелости. Незрелость, несовершеннолетие — это неспособность человека понять самого себя и окружающий мир без внешнего руководства. Кант глубоко верил в возможность развития и совершенствования людей, человечества. При этом он утверждал, что все человеческие поступки определяются общими законами природы. Причем природные задатки человека направлены на развитие именно его разума.

В работе «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» Кант пишет, что средство, которым природа пользуется для того, чтобы осуществить развитие всех задатков людей, — это антагонизм их в обществе, который в конце концов становится причиной их законосообразного порядка. Люди и народы, преследуя свои интересы, свои цели, часто противостоящие друг другу, тем не менее незаметно для самих себя идут к неведомой им скрытой цели природы как за путеводной нитью и содействуют достижению этой цели.

«Каким образом ни желали бы в метафизике представить свободу воли, проявления её в человеческих деяниях определены, как и всякое другое естественное явление, общими законами природы. История, имеющая предметом рассказ об этих проявлениях, как бы ни были скрыты причины их, не отказывает себе однако же в одной надежде, а именно: рассматривая в массе проявления свободной воли, открыть в них правильный ход и то, что у отдельной личности кажется неправильным и спутанным, представить как постоянное, хотя и медленное, развитие прирождённых наклонностей в целом роде» [2: т. 6, с. 7].

Кант указывает, что величайшая проблема человеческого рода, разрешить которую его вынуждает природа, — достижение всеобщего правового гражданского общества. Только в обществе, в котором существует точное определение и обеспечение свободы ради совместимости её со свободой других, — только в таком обществе может быть достигнута высшая цель природы: развитие всех её задатков, заложенных в человечестве. Это самая трудная задача, поскольку создание правового гражданского общества требует от человека доброй воли и чувства справедливости.

Только приближение к этой идее вверила природа человеку. Кант предложил на этом пути следующие важные положения:

1. Все естественные склонности человека как основанные на разуме должны найти себе полное развитие в целом человеческом роде, а не в отдельной личности. Это обусловлено тем, что краткость жизни отдельного человека не соответствует времени, необходимому для развития всех естественных склонностей.

2. Природа хотела, чтобы человек извлекал из самого себя всё, что превосходит механическую конструкцию его существа и чтобы он не знал иного счастья или совершенства, как только то, которое он доставляет сам себе посредством освобождения от всех инстинктов своим собственным разумом. Средство, которым пользуется природа для достижения развития всех склонностей человека, есть своего рода «недоброжелательная общительность» людей, т. е. их склонность вступать в общение, связанная однако с всеобщим соперничеством, которое угрожает обществу разъединением.

3. Величайшая задача, к решению которой побуждает человека природа, заключается также в выработке такого общественного строя, в котором частная воля повиновалась бы воле всеобщей. То есть, подчёркивает Кант, в гражданском обществе свобода отдельного лица должна быть в гармонии со свободой всех прочих.

Отсюда Кант выводит следующие атрибуты правового государства: основанная на законе свобода каждого не повинуетя иному закону, кроме того, на который он дал своё согласие; гражданское равенство — признавать стоящим выше себя только того в составе народа, на кого он имеет моральную способность налагать такие правовые обязанности; гражданская самостоятельность — быть обязанным своим существованием и содержанием не произволу кого-то другого в составе народа, а своим собственным нравам и силам.

Естественно, по Канту, конституция государства должна быть республиканской, власть — разделена. Кант сравнивает хорошо организованное гражданское общество с лесом, в котором деревья, побуждаемые потребностью выбраться на свет и на воздух, растут прямо, стройно, тогда как дерево, стоящее отдельно в поле, выходит часто кривым и неуклюжим. Задача создания гражданского общества труднейшая, и разрешается она родом человеческим позже всех других задач.

Наряду с объективными противоречивыми тенденциями продвижение к лучшему совершенному обществу обеспечивают, по Канту, также нормативные принципы, т. е. чистое самоопределение свободной воли людей, побуждения их внутреннего «судилища» — совести. По мнению Канта, Французская революция доказала моральную тенденцию рода человеческого, ибо она узаконила свободное самоопределение народа, обеспечила создание республиканского государственного строя. По поводу террора 1793 года он говорил, что террор — порождение не революции, а старого режима, угнетавшего своих подданных.

Кант был убежден: человеческий род постепенно продвигается к лучшему обществу: «Все прославления, касающиеся идеала человечества в его моральном совершенствовании, ничего не теряют в своей практической реальности из-за примеров противоположности того, что люди представляют собой теперь, чем они были и чем они, вероятно, станут в будущем; антропология, возникающая из одних лишь опытных знаний, не может наносить никакого вреда антропологии, устанавливаемой, безусловно, законодательствующим разумом» [2: т. 4, ч. 2, с. 341]. Дуализм человеческой жизни, «недоброжелательная общительность» людей в обществе приведут, в конце концов, к такому правовому состоянию, когда антагонизмы будут ограничены законами, когда властвовать будут именно законы, а не люди.

Обосновывая свободу как принадлежащее человеку право делать всё, что не наносит вреда правам другого, Кант считает, что если права народа нарушены, то восстание против тиранов не является противозаконным, хотя в принципе он решительно выступал против любых форм насилия. Народ, добываясь посредством восстания своего права, совершает «несправедливость, ибо этот способ... делает ненадежным всякое правовое устройство и приводит к состоянию полного отсутствия законности...» [2: т. 4, ч. II, с. 342].

Конечно, кантовские принципы правового государства противоречивы. Провозглашая равенство всех перед законом, требуя предоставления каждому шансов достичь положения в обществе соответственно его таланту, Кант при этом допускает ограничение политических прав женщин, наёмных работников, всех тех, кто материально зависит от других. Разделяя граждан на пассивных и активных, он только последним даёт право голоса.

Тем не менее важно, что после веков несправедливости Кант в своей теории гражданского общества не препятствует свободе другого преследовать ту же цель, равенство всех перед законом, самостоятельность каждого члена общества как гражданина, настаивает на том, чтобы политика подчинялась морали, чтобы при всех обстоятельствах политика была честной и справедливой, чтобы в обществе сформировались такие моральные и политико-правовые отношения, в которых в полной мере реализовались бы задатки, заложенные в человеке природой.

Вместе с тем Кант подчеркивал, что создание совершенного гражданского устройства зависит от установления законосообразных внешних отношений

между государствами. Государства на основе опыта взаимных опустошительных войн неизбежно придут к выводу о необходимости вступить в союз народов, где каждое, даже самое маленькое, государство могло бы ожидать своей безопасности и прав не от своих собственных сил или собственного справедливого суждения, а исключительно от такого великого союза народов, от объединённой мощи и от решения в соответствии с законами объединённой воли.

Создание такого союза, полагал философ, закономерно приведёт к вечному миру. И. Кант в данном случае — отнюдь не утопист. Да, до сих пор люди больше воевали друг с другом, нежели жили в мирных условиях. Немало было мыслителей до Канта, во времена Канта и после, считавших войны неизбежными, оздоравливающими, в сущности, вечной формой человеческого существования, фундаментом культуры, утверждавших, что государства существуют ради войны и т. п. (так считали Гераклит, Платон, Фукидид). Конечно, были мыслители и в античной истории, выступавшие против войн. Геродот, Цицерон, например, были убеждены, что никто не настолько безумен, чтобы предпочитать войну миру. Тем не менее их голоса тонули в хоре голосов, оправдывающих или, во всяком случае, провозглашавших неизбежность войны.

Современник Канта Гегель считал войну необходимым атрибутом истории и даже, в сущности, нормальным способом разрешения межгосударственных конфликтов. Ницше возвещал, что мир, миролюбие — это свидетельство вырождения человека, угасания в нём воли к жизни и власти. Уже в XX веке З. Фрейд утверждал, что источник войны коренится в природе человека, в его врождённой предрасположенности к агрессии. При всех различиях в подходах вывод многих мыслителей далёкого и недавнего прошлого один: война фатальна.

И всё же ни постоянные войны, ни мирные договоры, присущие его времени, не могли заставить Канта отказаться от своего убеждения, что вечный мир — не пустая затея, а задача, которую нужно решать и которая постепенно будет решена, ибо морально-практический разум, совесть и справедливость произносят в нас свое «неотменимое» вето: никакой войны больше не должно быть. Следовательно, вопрос уже не в том, реален вечный мир или не реален и не обманываемся ли мы в нашем теоретическом определении, когда допускаем первое. «И если бы даже полное осуществление этой цели оставалось всего лишь благим пожеланием, все же мы, без сомнения, не обманываемся, принимая максимум неустанно действовать в этом направлении, ибо максима — наш долг; если же мы считали бы моральный закон в нас обманом, то это вызвало бы отвратительное желание отречься от всякого разума и по своим основоположениям зачислить себя наряду с остальным животным миром в один и тот же механизм природы. Можно сказать, что установление всеобщего и постоянного мира составляет не только часть, а всю конечную цель учения о праве в пределах одного лишь разума...» [2: т. 4, ч. 2, с. 282–283].

Кант — реалист. Он отнюдь не настаивает на немедленном создании Государства народов. «Не положительная идея мировой республики, а (чтобы

не всё было потеряно) лишь негативный суррогат союза, отвергающего войны, существующего и постоянно расширяющегося, может сдерживать поток враждебных праву и человеку склонностей при сохранении, однако, постоянной опасности их проявления» [2: т. 6, с. 275]. Разум, растущее в людях и народах чувство справедливости — движущая сила истории, побуждающая человечество выйти из не знающего законов дикого состояния и вступить в союз народов.

Метод соучастия в общем деле человеческого разума стал максимой Канта. Исходя из этого, он выработал важнейшие правила диалога между учёными, политиками, вообще между людьми. Суть их в следующем:

1. Осмотрительность, целью которой является исследование предмета, а не пустое противодействие.

2. Умение поставить себя на место другого; отзывчивость к мыслительным усилиям соперника, не только из-за морального долженствования, а прежде всего исходя из логического долга, который требует признавать в противоположной позиции момент истины.

3. Исходя из попытки другого человека найти то, что касается целого, необходимо дружески приветствовать его как обладателя всеобщего достоинства, а его ошибки рассматривать как нечто второстепенное. Заниматься разрушением — дело, омрачающее разум.

4. Готовность преодолевать собственное заблуждение.

Критерий истины — соответствие знаний с его предметом. И путь к этому — умение задавать вопросы. Если вопрос бессмыслен, он приводит к нелепым ответам и создаёт смешное зрелище. В любом случае важно ставить вопросы и искать на них ответы. Любая степень достигнутого знания побуждает к новым вопросам и к новым ответам. «Сознание своего неведения, — подчёркивает Кант, — вместе того, чтобы положить конец нашим исследованиям, скорее побуждает к ним» [2: т. 3, с. 630].

Каковы, с точки зрения Канта, правовые гарантии мира? Прежде всего — республиканская форма правления, запрет на тайную дипломатию, международная торговля и, как отмечалось выше, создание на основе заключения договора федерации свободных государств. Республиканская Конституция, гарантируя права и свободы граждан, препятствует развязыванию войны. Подавляющее большинство граждан, в отличие от диктатора или олигархов, не захотят прибегнуть к войне как к средству разрешения межгосударственных споров, ибо для них объявить войну «равносильно тому, чтобы навлечь на самих себя все её бедствия».

Открытость, публичность международных отношений также уменьшает риск военного конфликта между государствами. Она требует рациональных аргументов, вовлекает в обсуждение спорных вопросов различные политические силы, в том числе и оппозиционные власти, что неизбежно сужает для сторонников войны возможность добиться своего. Открытость позволяет участникам международной дискуссии предвосхищать возможные действия друг друга.

И, разумеется, международная торговля также укрепляет мирные отношения между народами. Во всяком случае, когда между странами существуют глубокие торгово-экономические связи, война становится абсурдной, поскольку несёт воюющим странам огромные экономические убытки. (Конечно, в том случае, если партнёры экономически более или менее равны.)

Кант отнюдь не пытается обосновать создание некоего наднационального сверхгосударства. Постепенно и неизбежно принципом жизни подобного государства станет бездушный деспотизм. Природа, утверждает Кант, хочет другого. Двумя средствами пользуется она для того, чтобы удерживать народы от смешения и разъединять их, — различием языков и религий. Однако именно «это различие... с ростом культуры и при постепенном приближении людей к большому согласию в принципах вызывает общее стремление жить в мире, который осуществляется и обеспечивается не ослаблением всех сил, как это имеет место при деспотизме, а их равновесием, их активнейшим соревнованием» [2: т. 6, с. 287].

Конечно, современный мир ещё далёк от того, что обрисовал Кант, побуждая стремиться к нему как к идеалу. Современный империализм и неолиберальная глобализация осиливают всемирную эксплуатацию народов. Организация Объединённых Наций (ООН), на которую так рассчитывало победившее фашизм человечество, фактически утрачивает свою роль. США, единственная сверхдержава, сегодня пытается установить господство над всем миром. Попирая все нормы межгосударственного права, она прибегает к угрозам военного вторжения и осуществляет военную агрессию ради своих эгоистических интересов. Последние президенты США даже уже и не считают нужным как-либо прикрывать свою склонность к военному вмешательству в жизнь других государств.

Например, заявления Д. Трампа — реальная угроза миру. Он ведь все-таки не сумасшедший; за его словами, за его угрозами стоят мощная военная машина, тысячи ядерных боеголовок, миллионы бомб и снарядов, авианосцы, бомбардировщики, несметные арсеналы химического и биологического оружия. И он может отдать приказ об использовании всех этих средств разрушительного действия.

И все-таки современный мировой экономический и социальный порядок когда-нибудь неизбежно рухнет. Миллионы людей как в бедных, так и в богатых странах осознают, что при современном порядке цивилизацию не спасти, человечество не выживет. Чтобы выжить, чтобы противодействовать кризису, краху цивилизации, необходимо отказаться от экспансии по отношению к природе, установить международный контроль за ресурсами, утвердить приоритет общего благосостояния народов перед индивидуальной или групповой выгодой, перераспределить богатства в пользу обездоленных, демократизировать, сделать более нравственными отношения между людьми и народами.

Тенденция мирового развития в этом направлении, по сути, обусловлена объективно. Развитие техники и технологий, всемирный характер экономики, становление всемирного рынка, расширение общественного производства,

другие интеграционные процессы, распространение знаний, информатизация общества, утверждение принципа «быть» (а не «иметь») в качестве цели и смысла жизни человека и т. д. и т. п. — всё это объективные тенденции, пусть противоречиво, но постоянно и постепенно создающие и укрепляющие предпосылки нового — справедливого — мирового порядка, при котором все материальные и духовные ресурсы будут поставлены на службу народов, на службу людей.

Литература

1. Гейне Г. К истории религии и философии в Германии // Гейне Г. Собр. соч.: в 6 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1982. 590 с.
2. Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1964.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. М.: Политиздат, 1960–1968.

Literatura

1. Gejne G. K istorii religii i filosofii v Germanii // Gejne G. Sobr. soch. v 6 t. T. 4. M.: Xudozhestvennaya literatura, 1982. 590 s.
2. Kant I. Sochineniya: v 6 t. M.: My'sl', 1964.
3. Marks K., E'ngel's F. Sochineniya: v 50 t. M.: Politizdat, 1960–1968.

B.N. Bessonov

Prognostic Potential of Immanuel Kant's Philosophy

I. Kant in his philosophical writings explored the most important theoretical and cognitive and vital problems of cognition and morality, human behaviour in the sphere of practical life. Therefore, his thoughts went far beyond his time. They are still relevant today.

Keywords: reason; mind; a priori knowledge; transcendental (otherworldly) and transcendental (linking parts of the content that are on opposite sides of some limit); categorical moral imperative.